
ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

А. С. АКОПЯН

РОЛЬ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПЕРЕРОЖДЕНИИ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВА: БИОСОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье отражена связь универсальных природных стратегий репродуктивного и родительского поведения с феноменом коррупции как способа реализации «семейных ценностей». Предлагается социобиологическое обоснование механизма роста человеческого капитала в связи с глобальным демографическим переходом.

Ключевые слова: *человеческий капитал, коррупционное поведение, институциональная модернизация, репродуктивные стратегии, демографический переход.*

Многоликая проблема модернизации осознается сегодня как основополагающая для развития гражданина, семьи, общества и российского государства. Особая роль отводится укреплению семьи и традиционных семейных ценностей, что, по мнению властей, должно способствовать замедлению депопуляции. Достижение «желаемого завтра» требует знания и учета универсальных природных механизмов, лежащих в основе репродукции (воспроизводства) как отдельного человека, так и популяции в целом.

Обусловленность коррупции универсальными родительскими стратегиями в ходе индивидуализации ограниченных благ и обоснование мер противодействия этому процессу, к сожалению, зачастую остаются за пределами интересов экспертного сообщества.

В гуманитарных науках, включая современную этику, пока не получили достойного отражения ни роль социальной среды¹ в про-

---

¹ Под социальной средой понимаются орудия труда, трудовые навыки, технологии и технические устройства, научные знания и теории, формы организации производства и про-
Историческая психология и социология истории 1/2011 142–167

цессе становления институтов, ни влияние институтов на поведение человека. Императивы модернизации сложившихся институтов и практик определяют необходимость учета влияния универсальных базовых констант человеческого поведения на поступательную эволюцию социальной среды, которая отличает человека от остального природного мира и определяется сознательной деятельностью.

Учитывая возрастающий интерес к проблеме среднесрочного прогнозирования и разработке конкретных задач и мероприятий в рамках модернизационных программ, концепций и стратегий², хотелось бы привлечь внимание к *биосоциальным* аспектам репродуктивного поведения человека с опорой на «естественные», видовые особенности нормативной человеческой личности.

Скорость эволюции социокультурного фонда определяется способностью к сохранению и передаче информации, которая обеспечивает закрепление полезных нововведений по «ламарковскому» эволюционному механизму³. Крупномасштабные изменения в сфере социокультурного фонда могут быть закреплены в течение жизни одного поколения, в отличие от эволюции на основе неопределенной «дарвиновской» изменчивости под действием полового отбора, и могут быть эффективными даже для единственной эволюционирующей системы (Иорданский 2009: 171).

Половой отбор при этом остается одним из самых удивительных явлений в природе, инструментом «проб и ошибок» всех возможных репродуктивных стратегий и их вариаций, недостаточно изученным даже у животных (Бутовская 2004). Под влиянием эволюции социокультурного фонда, усложнения социальной структуры, по мере развития человеческой цивилизации росли число и удельный вес людей, которые при обеспечении (достижении) условий достойной жизни и возможностей саморазвития (роста человеческого капитала) сознательно отказывались от биосоциально детерминированной погони за материальными благами в пользу иных видов сугубо человеческой деятельности.

изводственных отношений. Т. е. институты – нормы и правила управления обществом и государством, сложившиеся на основе распределения собственности и власти.

² См., например: «Обретение будущего. Стратегия 2012» (Обретение... 2011), Концепцию демографической политики РФ на период до 2025 года, Концепцию социально-экономического развития РФ и др.

³ Наследование приобретенных признаков по механизму, который Ж. Ламарк (1955: 333–342) ошибочно перенес в природу. Ламарковские механизмы эволюции гораздо эффективнее дарвиновских по скорости и экономичности.

Половые стратегии и «семейные ценности»

На протяжении полутора веков пол остается центральной проблемой эволюционной биологии. Общественное мнение в разное время и в разных странах далеко не всегда было готово принять теоретические положения, постулирующие решающую роль особей женского пола в половых взаимоотношениях, зачастую рассматривая женщину лишь как пассивный объект мужской страсти. В СССР был период, когда генетические исследования вообще оказались под строжайшим запретом.

Споры о применимости эволюционных концепций к поведению человека и его половым стратегиям интенсифицировались после публикации в 1871 году книги Ч. Дарвина «Половой отбор и проблема происхождения человека». Труды генетиков, эволюционистов, этологов, зоологов, математиков и антропологов были созданы генетическая теория полового отбора, теории эволюции полового поведения, сексуальных стратегий, полового диморфизма и дихроморфизма, ряд других гипотез («убегающего отбора», сенсорной эксплуатации, «принципа гандикапа», сексуальной избирательности, конкуренции спермы и др.). Весомый вклад в фундаментальные основы этого направления внесли Р. Фишер, Р. Трайверс, Д. Саймонс, А. Захави, В. Гамильтон, Т. Клаттон-Брок, М. Маджерус, Г. Паркер, В. Эберхард, Д. Баас, Л. Милли, В. Геодакян, Т. Ямамото и другие. Сегодня синтетические теории эволюции совокупную (обобщенную) приспособленность в биологии так или иначе связывают и оценивают через механизмы обеспечения, выживания и репродукции своих близких родственников, несущих гены, сходные с их собственными.

Сексуальные отношения занимают одну из главных позиций на шкале человеческих приоритетов, особенно у лиц репродуктивного возраста. Половое поведение и внешние фенотипические различия между полами определяются, в частности, разными уровнями секреции андрогенов и эстрогенов. Наиболее сильнодействующим половым гормоном человека, способным в период влюбленности радикально влиять на психику и поведение, разрушать социальные «барьеры» и снижать уровень объективности восприятия желаемого партнера, является тестостерон. Концентрация тестостерона у мужчин превышает такую у женщин в 20 и более раз. Половое влечение, физическая любовь играет у мужчин доминирующую роль в мотивации вступления в брак, в большинстве случаев остав-

ля позади факторы материальной обеспеченности, социального статуса, образования, внешности, национальности, места проживания и т. д. (Харитонов 2006).

Результаты анонимных опросов о наследовании сексуальности от родителей демонстрируют, что повышенная сексуальность свойственна 30 % популяции, 60 % мужчин и женщин отличаются пониженным уровнем и только 10 % предъявляют «нормальный» уровень сексуальности. Несмотря на то, что выявленные соотношения отражают скорее способность к сексуальной активности, связанной с социальным статусом и характером профессии, нежели половую конституцию, вектор реальной сексуальной активности проходит именно в этих границах (Агарков 2009). Сами же границы нормы половой конституции (слабая, средняя, сильная) в разные исторические периоды могут существенно варьировать за счет успехов и возможностей медицины, места в групповой и общественной иерархии, влияния «женского фактора» (Васильченко 1983; Акопян, Корякин 2008; Rose 1975).

Власть и статус во всех человеческих обществах дают мужчине колоссальные преимущества в обладании репродуктивными партнерами. Особенности строения половой системы современных мужчин свидетельствуют, что человек эволюционировал как вид, практикующий полигинию (связь одного мужчины с несколькими женщинами). Эта асимметрия подчиняется *принципу 20/80*, в общественных науках известному как Парето-эффект. В биологии Парето-эффект проявляется в том, что у большинства приматов, включая человеческий род, на 20 % главенствующих самцов приходится 80 % копуляций (Wilson 1989). Процесс социальной эволюции человека шел в направлении доминирования моногамии и ограничения числа половых партнеров через становление институтов частной собственности, семьи и брака, наследования, дававших очевидные преимущества для решения задачи идентификации, сохранения и социализации потомства.

В обществе женщина кроме функции рождения, воспитания и обучения детей, передачи им культурных и нравственных ценностей выполняет важнейшую *оценочную* функцию – фундамент социальной среды. Этот факт настолько привычен, что его приоритетность забывается и уходит на второй план. Женский выбор определяет систему ценностей, статусную групповую и общественную иерархию (Геодакян 2004; Бутовская 2005).

Как известно, в основе семьи как универсальной социальной структуры, обеспечивающей воспроизводство популяции, лежит потребность мужчины и женщины друг в друге. Родовые сексуальные особенности человека не могут рассматриваться исключительно в биомедицинском и клиническом контекстах, поскольку обеспечивают постоянное сохранение человека как вида и социума на протяжении истории. Половое взаимодействие всегда социально хотя бы потому, что касается как минимум двоих.

Супружеский союз – лишь один из аспектов, характеризующих семью. Брак рассматривается как исторически меняющаяся форма отношений между мужчиной и женщиной (как правило, в условиях совместного проживания), устанавливающая их общие и специальные права и обязанности, связанные с гендерной принадлежностью в процессе воспроизводства популяции. В отечественной и зарубежной литературе достаточно полно представлены факторы, влияющие на качество семейных отношений, причины напряженности, роль семьи в обществе в процессе смены социально-экономических формаций, внутригрупповые изменения, связанные с типом экономики, вопросы психологической совместимости в браке и возможности самореализации.

В основе определения показателя общего *брачного потенциала*, служащего целям прогнозирования будущих отношений и облегчения взаимовыбора партнеров, лежит определение физического, материального, сексуального, культурного и психологического компонентов, учитываемых в 5-факторной концепции прочности брака. Обнаружена отрицательная корреляция между уровнем развития интеллекта и степенью удовлетворенности браком (Болотова 2002). Развод как защитный механизм индивида является итогом супружеской неудовлетворенности (неудовлетворенности потребностей) по значимым факторам. К числу последних относятся: сексуальная дисгармония; обиды, оскорбления, критика; отчуждение и ревность; финансовые разногласия; взаимопомощь; отдых и досуг. Наличие и воспитание детей относится к деятельностному аспекту семьи и является фактором устойчивости брака (Васильченко, Решетняк 1978; Сысенко 1981).

Городской тип проживания наряду с миграционными процессами обеспечивает рост генетического разнообразия и повышение конкурентоспособности популяции. Наемный труд возможен только в ситуации избытка рабочих рук, что характерно для города. Чем выше концентрация людей, тем больше рабочих рук и тем ни-

же их цена, что рождает потребность в дифференциации трудовых навыков и обеспечивает усложнение социальной организации (Романчук, Медведева 2009). Городской тип проживания с преобладанием наемного труда сегодня характерен для 90 % жителей технологически развитых стран. Именно он обусловил отход от модели традиционно многодетной нуклеарной семьи как инструмента «расширенного воспроизводства» в пользу *двухсубъектной*, основанной на равнопартнерских отношениях, снизил роль семьи как производственной единицы (домохозяйства), как социальной ячейки и как формы доминирующей репродуктивной стратегии.

Известно, что браки, где партнеры также связаны взаимным интересом или зависимостью в производственной деятельности независимо от ее характера, являются наиболее устойчивыми. При утрате производственной функции домохозяйств, старении популяции, росте продолжительности жизни, доступности сексуальных отношений, малодетности, характерных для городского типа проживания, возросли требования к способности партнеров обеспечить и поддерживать привлекательность сексуальных отношений в условиях длительного физического взаимодействия, к стандартам и качеству сексуальной техники, бесконфликтности, манере общения (Акопян, Корякин 2007; 2008). В условиях города материальные и культурные факторы устойчивости брака отходят на второй план, уступая место сексуальной и психологической совместимости и адекватности партнеров как основы и условия существования стабильной пары (Мумладзе 2007). В животном мире скученность (аналогично перенаселенности у людей) – причина не только растущей отчужденности, агрессивности и конфликтности, но и снижения плодовитости, роста числа аномалий и девиаций через нейроэндокринные (стрессовые) механизмы, что многократно подтверждено экспериментальными исследованиями. У людей на популяционном уровне дискомфорт и дефицит жизненного пространства проявляются в необходимости контрацепции, снижении полового влечения, росте числа функциональных расстройств половой сферы, повышении доли бездетных пар. Стрессовые механизмы снижения плодовитости, предположительно являющиеся причиной роста числа бездетных и бесплодных браков за счет ухудшения сперматогенеза и овогенеза по механизму «*stress pattern*»⁴, требуют дополнительного изучения (Гундаров 2001).

---

⁴ При терминальном уровне стресса, например, у лиц, приговоренных к смертной казни, захваченных в плен, помещенных в концентрационный лагерь, подвергающихся пыткам,

Люди в качестве социально-биологических существ сознательно ограничивают свое воспроизводство под влиянием и в условиях индустриального общества. Особая роль в снижении рождаемости отводится отрыву семьи от земли и домохозяйства как технологии жизнеобеспечения (Романчук, Медведева 2009). При этом популяционный уровень бесплодия на протяжении столетий практически не меняется, а, по ряду данных, даже снижается за счет совершенствования медицинских технологий (Нишлаг, Бере 2005: 7, 457).

Соотношение неформальных отношений «жизненного мира» и «государства-системы» в модели поведения личности определяется воздействием институтов семьи, лежащих в основе саморазвития экономики и общества, и реализуется в конкретных условиях жизни, регулируемых институтами государства.

Согласно теории *полового дихрономорфизма* В. Геодакяна, мужской пол является экспериментальным полом – «полом-разведчиком», на котором природа проверяет эволюционные новации и затем передает их основному, женскому полу. Повышенная мужская смертность в стабильных популяциях млекопитающих и человека – универсальный ответ на неблагоприятные условия среды. Это «меньшая цена», которая позволяет временно снять ресурсные ограничения и обновить генофонд без потери обретенного многообразия за счет сохранения женской части популяции, более ценной для воспроизводства (Геодакян 2004). Злоупотребление алкоголем, более характерное для мужчин, и ассоциированная с ним смертность от сердечно-сосудистых заболеваний и насильственных (внешних) причин в человеческом обществе зачастую завуалированно выполняют роль инструмента снятия внутрисемейной и общественной агрессии и регулирования численности популяции (Акопян и др. 1998; Stuckler *et al.* 2009).

Для видов, представленных мужским и женским полом, включая человека, выделен ряд универсальных моделей *репродуктивного поведения* и их половых различий. В модели репродуктивного поведения людей прямо или опосредованно укладываются как бытовая составляющая повседневной жизни, так и мотивы гражданских и уголовных дел.

К половым различиям в стратегиях взаимодействия и репродуктивного поведения у приматов относят: 1) *запрет на репродукцию*, вмешательство в спаривание (убийство, изгнание конкурента);

развивается стойкая азооспермия (Schuerman 1948; Stieve 1952; Нишлаг, Бере 2005: 480–481).

2) *ограничение репродукции* (инфантицид, пастьба⁵, гарем, контрацепция, аборт); 3) *извлечение ресурсов*, находящихся в пользовании партнера (обмен секса на ресурсы питания и другие ценные ресурсы), что в отличие от первых двух стратегий более характерно для особей женского пола. Половые различия в стратегиях спаривания определяются такими факторами, как доступность партнера, степень сексуальной возбудимости и преданность партнеру. Перечисленные стратегии характерны в разных пропорциях для реальных мотиваций поведения обоих полов в повседневной жизни (Symons 1979; Mealey 2000).

На универсальных моделях природного поведения и социологических различиях в стратегиях взаимодействия, спаривания, родительских стратегиях основаны и отношения собственности, а также сформированные на этой основе институты человеческого общества.

Институты человеческого общества базируются на групповых инстинктах и групповой иерархии, кооперации и координации с целью охраны своей территории (собственности) и обеспечения безопасности, проявляют себя по-разному в ограниченных и свободных пространствах. Существуют два универсальных типа отношений, независимо от того, идет ли речь о ресурсах или доступе к репродуктивным самкам, обеспечивающим сохранение генов обладателя в потомстве. Это отношения *доминирования – подчинения*, (лидер – ведомый, благодетель – проситель), лежащие в основе построения внутри- и межгрупповой иерархии (лидер, высоко- и низкоранговые группы, изгой), и отношения *обмена* (договора, контракта), предполагающие наличие «нейтральных зон» взаимодействия на равноправной основе. На этих же принципах строятся экономические отношения в виде «вертикального» централизованного *распределения* (редистрибуции) и «горизонтальные» отношения *обмена* вне зависимости от того, идет ли речь о местах заключения, номенклатурной иерархии учреждений или детских коллективах.

Модели репродуктивного поведения лежат в основе «жизненного мира»: семейных, неформальных, коррупционных и тому подобных отношений. Неформальные отношения исторически первичны по отношению к формализованным и выполняемым всеми участниками нормам и правилам, составляющим основу любой организации (Пригожин 2007). По мнению Г. Сатарова (2002), боль-

---

⁵ Пастьба самок – охрана самки и полный контроль ее общения с другими самцами.

шинство граждан России отношения услуги практически не осознают. Российскому массовому сознанию непривычно представлять государство, а следовательно, и каждого его представителя как институт, существующий благодаря налогам граждан. В ряду отношений «дарение – обмен – услуга»⁶ человек подсознательно стремится к переводу менее комфортных отношений в более комфортные, исходя из общих соображений, вытекающих из природы человеческой психики и социальности. Дарение – самый древний тип отношений, удельный вес которого снижается по мере увеличения численности групп. Цена дара может возрастать, доходя до самопожертвования. Отношения дарения, модифицируясь, способны охватывать большие группы. Тогда возникает клиентелизм, или «блат».

Коррупция основана на системе исторически более древних правил, унаследованных из природного мира, приоритетных по отношению к государству, другим участникам сети, часто и собственно семье. Это наиболее распространенный вид преступления из числа уголовно наказуемых. Однако человеческое сознание легко находит оправдание коррупции именно по «природным» причинам.

Известны *три уровня* анализа коррупции и антикоррупционных усилий: институциональный, социальный и социально-психологический. При недостаточности законных институтов управления она компенсаторно выполняет функции системообразования и регулирования в системе «власть-собственность», являясь альтернативой насилию. Коррупция, принятая на массовом (системном) уровне, – свидетельство ее большей комфортности и личной полезности для индивида по сравнению с контактами с государством в рамках предусмотренных законом процедур, их невыполнимостью или отсутствием. Коррупция – это также универсальный способ деформации конкурентного механизма (недобросовестной конкуренции), основа формирования обходных каналов повышения личного и группового успеха, с определенного уровня способных блокировать общественное развитие. «Семейные ценности» (неформальные отношения, «жизненный мир» в терминологии Ю. Хабермаса) в условиях слабого гражданского общества играют определяющую роль в процессе разложения институтов государства.

---

⁶ Услуга – третий тип отношений (наряду с дарением и обменом), который укоренился по мере развития государства и осознания того факта, что государство – это институт оказания определенных услуг его гражданам.

Коррупционные сети (элемент *социального капитала*) структурированы на различных системах ролевых ожиданий – семейных, дружеских, этнических, клановых, религиозных и корпоративных. В конечном итоге именно они определяют разнообразие, уникальность и шансы каждой отдельной человеческой судьбы. Нельзя пренебрегать тем, что потребность в частной собственности в первую очередь связана с таким *безусловным биологическим инстинктом*, как семейный, родительский, так как исторически право завещания неотделимо от права собственности (Троцкий 1991: 210; Гайдар 2009: 293).

Детерминанты демографического роста и выход из «режима с обострением»

Природный порядок у большинства млекопитающих, в том числе у приматов, определяется интенсивной конкуренцией, где доминирующим особям достаются преимущества в продолжении рода и в доступе к другим ценным ресурсам.

Природный механизм репродукции представлен двумя основными вариантами стратегий размножения: *R-стратегия* – «пусть мелкие, но много» (расширенное воспроизводство); *K-стратегия* – «лучше меньше, да лучше» (суженное воспроизводство), получившая развитие на основе внутреннего оплодотворения и вынашивания плода. Таким образом, основанием жизни в дикой природе является жизнь на равных условиях при «отсутствии абсолютной полноты благ» (Алексеев 1993: 363). В природе дрейф репродуктивных стратегий по уровню рождаемости в пределах *K-r-континуума* определяется состоянием биогеоценоза. Вид управляется биогеоценозом, черпая из него все ресурсы, и вне его существовать не может (Шмальгаузен 1968: 213; Лекавичюс 2009: 253).

Позитивные эффекты конкуренции в сложных организациях, где «каждый производитель есть потребитель», реализуются через механизмы сотрудничества (кооперации), комплементации (взаимодополнения) и альтруизма. В процессе эволюции меняются признаки организмов, но не законы природы. Для биологических и социальных систем нельзя совместить максимальную эффективность и максимальную адаптивность. В природе «организмы прожорливы» (*organisms are greedy*), а «сытые не склонны изменяться» (*satisfied creatures do not change*) (Walker 1980).

Репродукция человека признается одной из основных форм взаимопроникновения культур и формирования этносов. Популя-

ционный уровень итоговой рождаемости у человека не опускается ниже 0,7–0,8 детей на женщину независимо от места и времени проживания, уровня обеспеченности, образованности, семейного положения, наличия достаточного числа мужчин и возможностей формирования стабильной пары (Gollini 1998). Одного ребенка женщина стремится родить в любом случае. Однако этого недостаточно для простого воспроизводства популяции, которое требует итоговой рождаемости 2,11–2,15 детей на женщину за весь репродуктивный период (15–49 лет). Хотя показатель итоговой рождаемости в демографии признается наиболее объективным, он не учитывает возраста матери в очередности рождений, что влияет на численность популяции в каждый момент времени. Теоретически максимальная итоговая рождаемость, рассчитанная математическими методами, достигает 15,3–18,6 рождений на женщину. Такой разброс показателей рождаемости показывает, что проблема воспроизводства населения прямо не связана с собственно репродуктивным потенциалом человеческой популяции, который в повседневной жизни реализуется лишь на 10 %, половина же и более беременностей искусственно прерываются (Медков 2008; Bongaarts 1999).

Демографическим переходом сегодня принято называть особое время в состоянии популяции, которое характеризуется резким ростом численности населения из-за быстрого снижения смертности и сохраняющейся высокой рождаемости («режим с обострением», гиперболический рост) с последующим уменьшением рождаемости и ростом продолжительности жизни (выход из «режима с обострением»). После этого популяция стабилизируется в своей численности при низких рождаемости и смертности, растущей продолжительности жизни и изменении возрастной структуры населения в сторону старения («фаза плато»). Это принципиально отличает «суженное воспроизводство» от «расширенного», крайне затратного для популяции из-за высокой смертности, в том числе материнской и детской, непосредственно связанной с процессом репродукции, и, как следствие, невозобновимых потерь *человеческого капитала (ЧК)* (Вишневский 2005). Процесс демографического перехода для разных государств и народов растянут во времени и проходит с различной скоростью (последующие быстрее предыдущих). В целом для мира его начало связывается с серединой XIX века, конец – с серединой XXI века. В отличие от регулирования численности популяции через высокую смертность чело-

веческое сообщество сегодня регулирует свою численность через снижение рождаемости, что предпочтительнее социальных катастроф, сопровождающихся насильственной гибелью больших масс людей. По мнению С. Капицы (2010), проблема роста численности населения Земли в глобальном масштабе не носит ресурсного характера, а кроется в социальных механизмах управления и распределения знаний, богатства и земли. Основным же механизмом демографического перехода служит «умножение информации».

В фундаментальном обобщающем исследовании Л. Гринина и А. Коротаяева (2009), посвященном социальной макроэволюции и механизмам ароморфогенеза⁷, ряд разделов посвящен демографическому анализу развития Мир-Системы. Авторы показывают, что как снижение смертности в начале процесса демографического перехода, приведшее к демографическому взрыву – гиперболическому росту численности жителей Земли, так и последующий спад рождаемости, приводящий к уменьшению темпов роста их численности, в конечном счете являются производными одного фактора – роста *человеческого капитала*, в основе своей также имеющего информационную природу. В монографии предложены математические модели, описывающие выход из «режима с обострением» и отражающие динамику роста не только мирового населения и мировой грамотности, но и мировую экономическую динамику, обеспечивающую рост ВВП и уровень жизни. В начале демографического перехода, в его *первой фазе* («режим с обострением», гиперболический рост) уровень грамотности тесно коррелирует с развитием систем социального обеспечения и с уменьшением смертности, так как динамика обеих переменных детерминруется одним и тем же фактором – растущим ВВП на душу населения. Однако *во второй фазе* (выход из «режима с обострением») развитие систем социального обеспечения оказывает достаточно сильное и независимое отрицательное воздействие на рождаемость через устранение одного из важнейших стимулов к максимизации числа детей в семье – необходимости иметь кормильца в старости.

Парадокс «синдрома нехватки» ресурсов на фоне роста благосостояния связывается с ростом потребностей, в частности с ростом не только доходов, но и расходов на воспитание и образование детей (до 50–75 % доходов домохозяйств), обеспечение их социа-

---

⁷ Ароморфоз, арогенез – повышение уровня организации через качественное изменение видов, обществ, институтов и т. д.

лизации и уровня конкурентоспособности. Гиперболический рост населения, как и числа городов, наблюдается только при относительно низком (менее 50 %) уровне грамотности, имеющем сильную *обратную* корреляцию с уровнем рождаемости (низкая грамотность – высокая рождаемость). При выходе же из «режима с обострением», в «фазе плато», у женщин начинает проявляться достаточно сильная *прямая* связь между материальной обеспеченностью и фертильностью. Например, опрос женщин, окончивших Оксфордский университет, выявляет достоверную связь между обеспеченностью и фертильностью по показателю итоговой рождаемости (Бутовская 2007: табл. 5). Аналогично анализ этих процессов в городах Сибири конца XIX – начала XX века показал, что «людность семей купцов была большей, чем мещан» (Гончаров 2002: 145).

Человеческий капитал: понятие и границы определений

Теория демографического перехода, доминирующая в науке о народонаселении, напрямую связывает «парадокс нехватки ресурсов» на фоне роста мирового ВВП и снижения темпов роста численности мирового населения с *ростом человеческого капитала (ЧК)*. Главное конкурентное преимущество каждой страны связывается именно с качеством ЧК. Однако публикации на тему ЧК содержат немало путаницы и логических противоречий. Нередко подчеркивается условность и метафоричность понятия ЧК, который при сохранении условий его обесценивания прогрессивно теряет свои операциональные преимущества, а избыточность его предложения с определенного уровня вообще ставит понятие ЧК как *капитала* под сомнение из-за узости пространства его ликвидности или места приложения. Считается, что человеческий капитал – это имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые содействуют росту производительности его труда и приносят доход в форме заработной платы или ренты (Беккер 1993; Бурдые 1993; Коулман 2001; Нуреев 2009)⁸.

---

⁸ Ряд исследователей, например, В. Радаев (2003), не включают категорию «здоровье» в понятие ЧК. Автор предлагает классификацию, состоящую из *восьми форм капитала*, которая включает экономический, физический, культурный, человеческий, социальный, административный, политический и символический капиталы. При этом *физический* капитал связывается с состоянием здоровья, уровнем работоспособности хозяйственных агентов и внеш-

Для межстрановых сравнений сегодня чаще всего используется близкий по звучанию и также постоянно критикуемый показатель *индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП, HDI – Human Development Index)*. Последний рассчитывается через: а) *ожидаемую продолжительность жизни*; б) *уровень грамотности* взрослого населения и доступности образования; в) *размер ВВП* на душу населения (в долларах США по паритету покупательной способности). ИРЧП касается *обобщенных* групповых показателей и для персональных оценок развития отдельной личности обычно не применяется (Заславская 2005). Концепция же человеческого капитала, изначально предложенная как экономическая категория рыночной экономики, основанная на наемном труде и воплощенная в самом человеке, сегодня в основном используется для *индивидуальных* оценок. Чем больше вероятностная величина каждой из составляющих ЧК, тем больше сам ЧК. Как известно, вероятность совместного наступления нескольких независимых в совокупности событий равна произведению вероятностей этих событий. Вероятностная природа ЧК определяет его уязвимость: уменьшение или практически полное отсутствие любой из его переменных приводит к прогрессивному уменьшению ЧК в целом, вплоть до обнуления. В общем виде формула ЧК выглядит как:

$$P_{\text{человеческий капитал}} \sim P_{\text{природные способности}} \times P_{\text{здоровье}} \times P_{\text{знания}} \times P_{\text{мотивация}} \times P_{\text{общая культура}}$$

где P – вероятные величины составляющих ЧК (Мясоедова 2005).

При этом в одной из версий – трехмерной модели *David Nolan* – условия жизни человека рассматриваются не как точка на прямой, а как *объем* его реального жизненного пространства, характеризуемый *длиной* (размер экономических свобод), *шириной* (размер политических свобод) и *высотой* (размер личностных свобод). Отсюда обнуление одного из этих параметров неизбежно приводит к нивелированию человеческого капитала, человеческих знаний и способностей (Юрьев 2006).

С позиций количественной теории социоприродного развития и *эргодинамической*⁹ модели человеческий капитал оценивается че-

---

ними физическими данными. В англоязычной терминологии *physical capital* используется в совершенно ином значении. Под ним понимается вещная часть *производственного* капитала (машины, оборудование, здания, сооружения), *товарный* капитал (готовые продукты), *денежный* капитал (финансовые средства), что в целом соответствует понятию *экономического* капитала, максимально ликвидного и дефицитного.

⁹ Эргодинамика – наука о движении и превращении энергий разного вида. Предметом изучения являются особые системы – «эрго(энерго)преобразователи». Каждый человек,

рез понятия «запаса устойчивости» – аккумулятивной свободной (структурной) энергии в ее информационной форме, условной стоимости человека в денежном эквиваленте¹⁰. ЧК в такой модели определяется через количественную оценку *трех компонентов*: витального (врожденного) капитала, социального капитала, приобретаемого в течение жизни (образование, здравоохранение, социальное обеспечение), а также нравственного («духовного», гуманитарного) капитала, отражающего личные человеческие качества. Так как величина производства человеческого капитала и валового национального продукта связаны почти линейной зависимостью (Доклад... 2001), делается вывод, что при росте упорядоченности («фаза плато») аналогичная зависимость должна сохраняться между удельным человеческим капиталом (УЧК) индивида и его материальным богатством (индивидуализированной собственностью как эквивалентом прав и свобод). Доходы и собственность людей в равновесном социуме должны различаться в пределах нормы устойчивости. Что выходит за пределы этой нормы, есть патологическое отклонение, «гуманитарная болезнь» (Бушуев, Голубев 2001; Акопян и др. 2002).

Таким образом, выделяемые ныне виды капиталов (социальный, человеческий, культурный и т. д.) сравнимы лишь условно и отличаются по ликвидности, дефицитности, способности к накоплению и конвертации, прямой передаче и наследованию, добавленной стоимости, однородности. Сегодня суммарная величина ЧК многократно превосходит промышленную собственность и обеспечивает новые условия развития самого человека (Васильчук 2008). При этом ВВП, измеряемый в долларах по паритету покупательной способности, во все большей степени перестает улавливать реальный рост уровня жизни, источником которого является ЧК, регулярно предоставляющий массовому потребителю неуклонно совершенствующуюся продукцию индустрии быта, производства, информации и коммуникаций, новые программы дистанционного обучения «за ту же цену» или бесплатно. В национальном ВВП также не находит отражения ни то, что семья является основным

концентрирующий избыточную свободную (информационную) энергию, капитал, также является подобным эргопреобразователем – элементом социума, требующим затрат на самоподдержание.

¹⁰ Из рассмотренных стран по состоянию на 1997 год максимальное значение УЧК имела Франция (7,47 млн. долл./чел.), минимальное – Болгария (1,09 млн. долл./чел.). Для России УЧК= 2,29 млн. долл./чел. (Бушуев, Голубев 2002).

источником трудовых и нетоварных (внутрисемейный труд) инвестиций в человека, ни сексуальное удовлетворение, лежащее в основе крепости брачных отношений и устойчивости домохозяйств. Если человек не находит удовлетворения в одном домохозяйстве, он его меняет на другое или создает новое.

В подавляющем большинстве случаев при отсутствии частной собственности и административно-командном режиме наемного труда оценка ЧК ограничивается в отличие от прав собственника лишь стоимостью рабочей силы, редко превышающей уравнилельно-потребительские условия зарплат, стипендий и пенсий (Нерсесянц 1989; Бурганов 2009). Оценка человеческого капитала реализуется в условиях цивилизованного рынка труда и рабочей силы, обесценивание – в условиях монополизации рынка труда и средств производства, исторически являющихся, с одной стороны, универсальными институтами присвоения человеческого капитала, с другой – частными проявлениями системы «власть-собственность». Социальная составляющая этой основополагающей «конструкции» – «институциональная ловушка» системы низких заработных плат, блокирующая развитие человеческого капитала (Плискевич 2006; 2010).

Человеческий капитал, отражая видовую потребность человека в созидательной деятельности, в сравнении с *капиталом экономическим* (финансы, недвижимость, продукты и средства производства) при избытке предложения на рынке наемного труда является много более уязвимым. Он не может быть предметом дарения, купли-продажи, использоваться в качестве залога, с трудом поддается диверсификации. ЧК неоднороден и неделим, находится в неразрывной связи с его носителем (Юрьев 2006).

В технологически развитых странах, например США, основной рост занятости сегодня наблюдается в сфере информационных технологий. Уже очевидно, что при использовании достижений научно-технического прогресса и сохранении прежней траектории развития в XXI веке достаточно 20 % образованного населения, работающего в сфере управления и производства товаров и услуг. У остальных 80 % неизбежно возникнут колоссальные проблемы, которые могут усилить криминогенность. В большинстве стран процесс идет именно в этом направлении: пропасть между бедностью и богатством все более расширяется, расстояние между властью и собственностью становится все меньше, а глобализация с ее возможностями лишь интенсифицирует этот процесс, обогащая

новыми возможностями процесс присвоения ограниченных благ представителями власти и крупными собственниками. Последнее обстоятельство неизбежно сказывается и на состоянии институтов. На этом фоне все более актуальной становится задача создания «третьего» сектора занятости. Криминологически значимой проблемой признается также практика рынков финансовых спекуляций, вооруженных современными информационно-коммуникационными технологиями.

Технологии жизнеобеспечения и социальные отношения

Согласно институциональным теориям, на основе природного мира (*Первой природы*) человечество выстроило *Вторую природу* – материальные средства обитания и производства: города, технику, инфраструктуру, предметную среду и т. д. Характер взаимодействия между людьми определяется их отношением к объектам *Первой и Второй природы* в ходе извлечения и обмена ресурсами. *Третья природа* – организации разных масштабов – *оргцивилизация* – вещество созданных людьми организаций – *институтов*.

В общественно-исторической обусловленности демографический процесс определяется тремя основными группами факторов: *биологическими законами* репродукции (воспроизводства); *технологией* основного производственного процесса, соответствующей характеру ресурсной обеспеченности и географическому ландшафту; *социальными отношениями*, складывающимися на этой основе. Технология основного производственного процесса – «сырьевая» экономика, коллективное заливное земледелие, индивидуальное мелкотоварное производство, «военные демократии» (кочевники и горные народы) и т. д. – и соответствующий характер распределения ресурсов напрямую определяют базис системы формирования основных ценностей социума и тип государственно-политического устройства, а также социальную политику государства, иерархию общественных отношений и степень имущественной дифференциации разных групп населения (Вебер 1994; Кульпин 2003). По мнению Л. Якобсона (2006: 63), «ситуация вряд ли изменится, пока ключевую роль в экономической жизни страны (современной России. – А. А.) играет распределение доходов от использования природных ресурсов, в конечном итоге неизбежно связанное с распределением власти».

Структура институтов детерминирована отношениями собственности (социальными отношениями) и подвержена «порче, лом-

ке, коррозии» в соответствии с характерными биосоциальными особенностями человеческой личности (Пригожин 2007). Человек очень чувствителен к воздействию институтов. Его поведение, морально-нравственные, экономические, статусные и репродуктивные установки, лежащие в основе формирования «сети интересов», под влиянием институтов могут варьировать в достаточно широких пределах. В генетическом отборе побеждают популяции с более высоким уровнем альтруизма, способности к кооперации (Шишкин 2004). Попытки же создания «нового человека» без изменения обстоятельств его жизни ни разу не приводили к положительным результатам. Хочешь изменить человека – нужно изменить его положение (Зимбардо, Ляйппе 2000). Это предопределено «природными» составляющими человеческого поведения в границах исторически сформированных институтов и практик.

В основе природного мира и институтов человеческого общества лежит распределение территории собственности и других ценных ресурсов. Известно, что скорость движения собственности прямо пропорциональна степени ее рассредоточения. Частная собственность при наличии определенных условий демонстрирует свои созидательные потенции за счет природной конкуренции («невидимая рука рынка»). Монополизация собственности, в природном мире не предусмотренная, неизбежно приводит к прекращению конкуренции за счет устранения конкурентов, коррупционному перерождению государства. Вся социальная история свидетельствует, что в бюрократических обществах в условиях как промышленного, так и аграрного производства «жизненный мир» неизбежно побеждает «систему», а крупная частная собственность также неизбежно ведет к приватизации государства в угоду «семейным ценностям», снижению уровня жизни большинства людей и краху такого государства, после чего начинается новый распределительный цикл. Противоречащее законам природы доминирование любой крупной собственности может быть основой только криминально-кланового государства, игнорирующего вопросы права и законности.

В усложняющемся обществе, постоянно перерабатывающем огромный объем информации, генерирующем все новые каналы прямой и обратной связи между конкурирующими уровнями сложных систем, линейных зависимостей роста просто не бывает, они являются исключительно продуктом фантазий в пределах моделирования «канцелярской реальности». Пресловутые «ручное управ-

ление» и «здоровый смысл» перестают работать сразу же после первых шагов. В России отказ от административно-командной системы власти и управления над ранее созданной общенародной собственностью – единственным реальным достижением социализма – бесспорно, самый существенный фактор формирования правовых отношений между индивидами, обществом и постсоциалистическим государством (Нерсесянц 1989; 2008; Пастухов 2010).

Тем не менее *неравенства* остаются основным ресурсом и потенциалом автоматического развития биологических и социальных систем. Так, массированные попытки выравнивания доходов в XX веке в ряде стран, включая Россию, приводили к отрицательным, иногда катастрофическим результатам, а неравенства лишь переходили из одной сферы в другую. Традиционные общественные фонды и общественные блага, призванные сокращать степень неравенства, со временем неизбежно деградируют из-за коррупционности любого централизованного распределения. В силу этого они не способны противостоять продолжающемуся имущественному расслоению, растущей фрустрации, социальному дискомфорту и увеличению числа аутсайдеров. Очевидно, что в постиндустриальном «обществе знаний» временной масштаб и диалектика выхода из «режима с обострением» определяют неизбежность перехода «от хаоса к управлению» за счет информационно-технологических инструментов, позволяющих уже сегодня достигнуть любого уровня индивидуализации не только человеческой личности, но и каждой единицы товарной продукции даже на глобальном мир-системном уровне. В перспективе предполагается, что ведущая роль в человеческой эволюции будет принадлежать не псевдоморальному денежному обогащению, а культуре и науке (Капица 2010). Пока же процесс материального обогащения независимо от источников происхождения капитала и уровня развития ЧК остается самым благодарным и привлекательным способом удовлетворения потребностей, обеспечивающим индивиду все репродуктивные и статусные преимущества.

В актуализации противостояния «жизненного мира» и «системы», «семейных ценностей» и государства безработица, отсутствие постоянного жилища и собственности, низкооплачиваемый наемный труд, торговля деньгами и землей, институт наследования крупной собственности, сохранение нормативного протекционизма и семейственности остаются биосоциальными стигмами прогрессивного роста ЧК. Они же являются свидетельством нарушения

«техно-гуманитарного баланса» как разрыва между качеством регуляторных механизмов культуры и уровнем технологического развития, провоцирующим неустойчивость в процессе «удаления от естества» (Назаретян 2004).

Таким образом, ставка на семью и семейные ценности в процессе социальной модернизации становится двигателем социального прогресса только при приоритете прав и свобод человека, охраняемых государством, в условиях сильного гражданского общества, достаточно однородного по распределению собственности. В противном случае воспроизводство популяции на основе семейных ценностей только усугубляет степень неравенства и востребует усиление тенденций авторитарной централизации собственности и власти.

Государство и общество – проблема нераздельности

Основные российские ценности сформировались в период петровских преобразований, в основе которых лежал принцип авторитарной модернизации государства. Размер территории и ресурсная зависимость развития российского социума определяет *Государство* и идею его развития, связанное с ним тоталитарное прошлое в качестве *основной* ценности российской цивилизации. С государством также связаны атрибуты причастности к приоритетному распределению через *Неформальный (патерналистско-бюрократический) социальный договор, Госрегулирование и Знание*. Особое место как самостоятельная ценность в российской ментальности занимает *Справедливость*. Трудно отрицать, что государство является сверхценностью русской культуры, современной формой ее существования в виде симбиоза и нераздельности носителя русской культуры с государством (но не наоборот). В условиях такого симбиоза протест против государства для общества представляется невероятно трудным делом. Выступление личности против государства ощущается как выступление против самого себя (Делягин 2009).

Ресурсная (сырьевая) зависимость России, дефицитный характер ее государственно-распределительной матрицы определяют нетерпимость к конкурентам и конкуренции, игнорирование интересов развития свободной личности (Кульпин 2008). Сегодня со стороны верховной власти, провозгласившей курс на *технологическую и институциональную* модернизацию и явно избегающей ее второго (институционального) компонента, который несет прямую

угрозу «отстроенному» государству в ее государственно-центрической матрице, снова слышатся осторожные, пока не подтвержденные никакими конкретными действиями тезисы о том, что «свобода лучше, чем несвобода» и что «крайне важно давать обществу шансы для самоорганизации», а «нация не может долго держаться на закрученных гайках» (из выступлений Д. Медведева). Как известно, российское общество в 1990-е годы оказалось не в состоянии реализовать тот исторический шанс, который давало ему временное отступление, «съезживание» государства. Оказалось, что демократия не устанавливается актом разрушения тоталитарно-авторитарной организации социума, а приватизация, тем более криминальная, не гарантирует построения рыночной экономики.

Институциональные теории, как и близкий нам марксизм, видят базис любых идеологий в экономике, характере распределения собственности. С историко-психологической точки зрения представляет интерес, способны ли глобализация и информационное общество, вооруженное возможностями неограниченного воспроизводства, распространения, генерирования и маршрутизации информации, обеспечивать необходимые темпы странового развития при сохранении архаичной матрицы системы «власть-собственность».

Совершенствование демократических институтов – «всегда проблема, стоящая перед личностями, а не перед институтами» (Поппер 1992: 167). Реализацию прав и свобод человека нельзя отложить на потом, именно они являются сутью исторической деятельности людей, ее смыслом и движущей силой.

Невозможность успешной адаптации института «власти-собственности» к новым реалиям и требованиям глобализирующегося мира становится все более очевидной. В России эта невозможность предопределена как монополизмом крупной частной и государственной собственности, задействованной в гражданском обороте, так и вытекающим из этого факта законным или неформальным участием госслужащих в предпринимательской деятельности. Эти два фактора являются прямыми производными «жизненного мира» и «семейных отношений». Необходимость и возможности номенклатурной фальсификации волеизъявления граждан инструментами приватизированного государства сегодня позволяют игнорировать мнения отдельных личностей. Последнее обстоятельство подрывает социальную стабильность и способно существенно ограничивать ресурсосберегающий потенциал эволюционного развития обществ

и государств на этапе даже краткосрочного прогнозирования. Разговоры же о неготовности общества являются лишь поводом для отсрочки институциональных инноваций.

С социобиологической точки зрения рост человеческого капитала в условиях информационного общества в среднесрочной перспективе оказывается несовместимым с архаичными социально-политическими отношениями, определяющими соответствующий характер распределения ресурсов, что предполагает рост общественной напряженности и политических конфликтов даже при сохранении достигнутого уровня доходов и потребления.

Литература

Агарков, С. Т. 2009. Десять важнейших открытий в сексологии XXI века. 7-й *Российский научно-образовательный форум «Мужское здоровье и долголетие»*, 18–19 февраля. Материалы форума. М.: Кадры России XXI, с. 7–8.

Акопян, А. С. 2001. Демография и политика. *Общественные науки и современность* 2: 38–50.

Акопян, А. С., Бушуев, В. В., Голубев, В. С. 2002. Эргодинамическая модель человека и человеческий капитал. *Общественные науки и современность* 6: 98–107.

Акопян, А. С., Корякин, М. В.

2007. Биомедицинские и психосоциальные аспекты эректильной дисфункции. *Лечащий врач* 4: 44–46.

2008. «Женский фактор» в проблеме эректильной дисфункции. 6-й *Российский научный форум «Мужское здоровье и долголетие»*, 19–20 февраля. Материалы форума. М.: Кадры России XXI, с. 9–10.

Акопян, А. С., Харченко, В. И., Иоффина, О. А. 1998. Заболеваемость и смертность от болезней, имеющих «социальную окраску» (социопатий) в современной России. *Вопросы статистики* 1: 18–24.

Алексеев, Н. Н. 1993. Собственность и социализм. В: Исупов, К., Савкин, И., *Русская философия собственности (XVII–XX вв.)*. СПб.: Ганза, с. 350–372.

Беккер, Г. С. 1993. Человеческое поведение: Экономический подход. В: Беккер, Г. С., *Избранные труды по экономической теории*. М.: Изд-во ГУ ВШЭ.

Болотова, Т. А. 2002. Уровень развития интеллекта супругов и удовлетворенность браком. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=39850>

Бурганов, А. Х. 2009. Магистральный путь вывода России из демографического кризиса – к расцвету человека, наций, человечества. *Нацио-*

нальная идентичность России и демографический кризис. *Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (Казань, 13–14 ноября, 2008)*. М.: Научный эксперт, с. 120–134.

Бурдые, П. 1993. *Социология политики*. М.: Socio-Logos.

Бутовская, М. Л.

2004. *Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции*. Фрязино: Век-2 (Наука сегодня).

2005. *Власть, пол и репродуктивный успех*. М.: Фрязино: Век-2 (Наука сегодня).

2007. Половой отбор и различие мужских и женских сексуальных стратегий в человеческом обществе. URL: <http://www.ethology.ru/library/?id=264>

Бушуев, В. В., Голубев, В. С.

2001. Индексы социоприродного развития России и стран мира. *Общественные науки и современность* 5: 153–162.

2002. *Основы эргодинамики*. М.: ИАЦ Энергия.

Васильченко, Г. С. (ред.) 1983. *Частная сексопатология: руководство для врачей: в 2 т. Т. I*. М.: Медицина.

Васильченко, Г. С., Решетняк, Ю. А. 1978. Брачный клиринг. *Вопросы кибернетики*. Вып. 28.

Васильчук, Ю. А. 2008. Социальное развитие человека. Фактор семьи. *Общественные науки и современность* 3: 52–63.

Вебер, М. 1994. *Город*. В: Вебер, М., *Избранное. Образ общества*. М.: Юрист.

Вишневский, А. Г. (ред.) 2005. *Демографическая модернизация России 1900–2000*. М.: Новое изд-во.

Гайдар, Е. Т. 2009. *Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция*. СПб.: Норма.

Геодакян, В. А. 2004. Эволюционная теория пола. В: Гордон, А. Г., *Диалоги*. Вып. 2. М.: Предлог, с. 221–276.

Гончаров, Ю. М. 2002. *Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в.* Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2009. *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформация Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ.

Гундаров, И. А. 2001. Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа. *Общественные науки и современность* 5: 58–65.

Десягин, М. Г. 2009. Русская культура: недостатки и преимущества в глобальной конкуренции. URL: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/175556>

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2000 год / под ред. С. Н. Бобылева. М.: Права человека, 2001.

Заславская, Т. И. 2005. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе. *Общественные науки и современность* 3: 5–17.

Зимбардо, Ф., Ляйппе, М. 2000. *Социальное влияние*. СПб.: Питер.

Илларионов, А. Н. 2010. Трудный путь к свободе. О роли личностей и их мировоззрения в недавней российской истории. *Континент* 145. URL: <http://continent-rus.ru/145/10.htm>

Иорданский, Н. Н. 2009. Факторы эволюционного прогресса. В: Гринин, Л. Е., Марков, А. В., Коротчаев, А. В. (отв. ред.), *Эволюция: космическая, биологическая, социальная*. М.: ЛИБРОКОМ.

Капица, С. П. 2010. *Парадоксы роста: Законы развития человечества*. М.: Альпина нон фикшн.

Коулман, Дж. 2001. Капитал социальный и человеческий. *Общественные науки и современность* 3: 122–140.

Кульпин, Э. С.

2003. Эволюция ментальности россиян. *Природа и ментальность. Социоестественная история*. Вып. 23. М.: Московский лицей, с. 9–25.

2008. Становление системы основных ценностей российской цивилизации. *История и современность* 1: 49–62.

Ламарк, Ж. Б. 1955. Философия зоологии. *Избр. произведения*: в 12 т. Т. 1. М.: Наука, с. 165–775.

Лекавичюс, Э. 2009. О некоторых аналогиях между эволюцией экосистем и развитием экономики: от А. Смита и Ч. Дарвина до новейших идей. В: Гринин, Л. Е., Марков, А. В., Коротчаев, А. В. (отв. ред.), *Эволюция: космическая, биологическая, социальная*. М.: ЛИБРОКОМ, с. 226–259.

Медков, В. М. 2008. *Демография*: учеб. М.: ИНФРА-М.

Мумладзе, Л. С. 2007. Сексуальный шантаж в браке: плюс или минус? 5-й Российский научный форум «Мужское здоровье и долголетие», 20–22 февраля. Материалы форума. М.: Кадры России XXI, с. 69–70.

Мясоедова, Т. Г. 2005. Человеческий капитал и конкурентоспособность предприятия. *Менеджмент в России и за рубежом* 3: 29–37.

Назаретян, А. П. 2004. *Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: синергетика – психология – прогнозирование*. М.: Мир.

Нерсесянц, В. С.

1989. Закономерности становления и развития социалистической собственности. *Вестник АН СССР* 9: 3–13.

2008. Постсоциалистическая Россия: цивилизм как национальная идея. *Общественные науки и современность* 5: 91–100.

Нишлаг, Э., Бере, Г. М. (ред.) 2005. *Андрология. Мужское здоровье и дисфункция репродуктивной системы*. М.: Медицинское информационное агентство.

Нуреев, Р. М. 2009. Человеческий капитал и его развитие в современной России. *Общественные науки и современность* 4: 5–20.

Обретение будущего. Стратегия 2012. Конспект. 2011. URL: http://www.giocenter.ru/files/Finding_of_the_Future%20.Summary.pdf

Пастухов, В. Б. 2010. Просвещенный авторитаризм и независимость суда (Возрождение консервативной утопии). *Общественные науки и современность* 2: 14–32.

Плискевич, Н. М.

2006. «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации. *Мир России* 3: 62–113.

2010. «Система низких заработных плат» – институциональная ловушка постсоциалистической экономики. *Журнал новой экономической ассоциации* 5: 126–146.

Поппер, К. 1992. *Открытое общество и его враги*. М.: Культурная инициатива.

Пригожин, А. И. 2007. *Дезорганизация: причины, виды, преодоление*. М.: Альпина Бизнес Букс.

Радаев, В. В. 2003. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. *Общественные науки и современность* 2: 5–17.

Решетняк, Ю. А. 2005. Эволюция брачных ценностей. *3-й Российский научный форум «Мужское здоровье и долголетие», 16–18 февраля*. Материалы форума. М.: Кадры России XXI, с. 115.

Романчук, А. А., Медведева, О. В. 2009. «Глобальный демографический переход» и его биологические параллели. В: Гринин, Л. Е., Марков, А. В., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *Эволюция: космическая, биологическая, социальная*. М.: ЛИБРОКОМ, с. 282–305.

Сатаров, Г. А. 2002. Тепло душевных отношений: кое-что о коррупции. *Общественные науки и современность* 6: 18–27.

Сысенко, В. А. 1981. *Устойчивость брака: проблемы, факторы и условия*. М.: Финансы и статистика.

Троцкий, Л. Д. 1991. *Преданная революция*. М.: НИИ культуры Министерства культуры РСФСР.

Харитонов, А. Н. 2006. Системно-аналитический подход к современным проблемам мужского здоровья. *4-й Российский научный форум «Мужское здоровье и долголетие», 15–17 февраля*. Материалы форума. М.: Кадры России XXI, с. 129–130.

Шишкин, М. А. 2004. Биологическая эволюция и природа нравственности. *Общественные науки и современность* 1: 126–134.

Шмальгаузен, И. И. 1968. *Факторы эволюции*. М.: Наука.

Юрьев, А. И. (ред.) 2006. *Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала: учеб. пособие*. СПб.: Logos.

Якобсон, Л. И. 2006. Социальная политика: коридоры возможностей. *Общественные науки и современность* 2: 52–66.

Bongaarts, J. 1999. Fertility Decline in the Developed World: Where will it End? *American Economics Association Papers and Proceedings* 89(2): 256–260.

Gollini, A. 1998. How Low an Fertility He? An Empirical Exploration. *Population and Development review* 24(1).

Mealey, L. 2000. *Sex Differences: Developmental and Evolutionary Strategies*. New York: Academic Press.

Rose, R. M. 1975. Consequences of Social Conflict on Plasma Testosterone Levels in Rhesus Monkeys. *Psychosomatic Medicine* 37: 50–61.

Schurman, H. 1948 Über die Zunahme männlicher Fertilitätsstörungen und über die Bedeutung psychischer Einflüsse für die zentralnervöse Regulation der Spermio-genese. *Med Klin* 13: 366–368.

Stieve, H. 1952. *Der Einfluss des Nervensystems auf Bau und Tätigkeit der Geschlechtsorgane des Menschen*. Stuttgart: Thieme, s. 1–191.

Stuckler, D., King, L., McKee, M. 2009. Mass privatization and the post-communist mortality crisis: a cross-national analysis. *The Lancet* 373: 399–407.

Symons, D. 1979. *The Evolution of Human Sexuality*. New York: Oxford University Press.

Walker, J. C. G. 1980. Atmospheric Constraints on the Evolution of Metabolism. *Origins of Life* 10: 93–104.

Wilson, G. D. 1989. *The Great Sex Divide: A Study of Male-Female Difference*. London: Peter Owen Publishers.